

Н. Н. Седова

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ И АКТИВИЗМ В МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ РОССИЯН

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

Седова Наталья Николаевна – старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5;
директор по социальным и профессиональным коммуникациям,
ВЦИОМ. 119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, 38
E-mail: nnsedova@inbox.ru
AuthorID РИНЦ: 140285

Для цитирования: Седова Н. Н. Самодостаточность и активизм в мировоззренческих установках россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 4. С. 9–25.
DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

Аннотация. Статья посвящена анализу социального феномена «самодостаточности» и развития «активистского» типа мировоззрения россиян. Самодостаточностью авторы называют способность людей (по самооценке) жить и обеспечивать себя, рассчитывая только на свои силы, без помощи государства. Отнесение к «активистскому» типу мировоззрения базируется на установках на самодостаточность, активное отстаивание своих интересов, поиск и освоение нового (инициатива, предприимчивость). «Активистский» тип анализируется в сопоставлении с «пассивистским» (основывается на установках на зависимость / помощь государства, приспособление к реальности, консерватизм / приверженность обычаям, традициям). Эмпирической базой статьи являются данные общероссийских репрезентативных опросов ФНИСЦ РАН (ранее – Институт социологии РАН), проведённых в 2005–2019 гг.

Задачами исследования были анализ динамики установок на самодостаточность и активистский тип мировоззрения, уточнение социальной базы их носителей, подтверждение сделанных ранее выводов о социально значимом преобразовательном потенциале носителей данных установок. Анализировались восприятие носителями «активистских» установок приоритетов в качествах людей, ценностей личного и общественного блага, отношение к труду в контексте жизненного успеха и традиционной морали, приоритеты в развитии страны.

Отмечен слом в 2018 г. ранее выявленного тренда на рост установок на «самодостаточность» и на активную защиту своих прав. Изменение динамики связывается с пенсионной реформой. Фиксируется развитие Я-ориентированной модели мировоззрения, когда на первый план выходит частная жизнь человека, а взаимодействие с окружающим миром оказывается, скорее, на периферии интересов. Отмечаются нарастание отчуждённости от государства, формирование терпимости к отступлению от традиционной морали ради достижения успеха при одновременном запросе на работающие формальные правила, на жизнь по закону, а не «по понятиям».

Ключевые слова: самодостаточные, активизм, мировоззрение, ценности, установки, качества, социальное государство, мораль, традиции, правила, закон, пенсионная реформа, успешность, социальная группа, жизненный успех.

Настоящий материал представляет основные результаты изучения установок россиян на «самодостаточность», а также развития активной и пассивной моделей мировоззрения россиян, которое ведётся в рамках мониторинга общественного мнения по ключевым проблемам развития российского общества ФНИСЦ РАН (ранее – Институт социологии РАН). Подход к пониманию самодостаточности был предложен М. К. Горшковым и Н. Н. Седовой [Горшков, Седова, 2015]. Он основывается на альтернативности установок россиян в отношении к государству, делящих их на две основные группы, близкие по численности. Первые воспринимают себя полностью зависимыми от поддержки государства, прожить без которой практически невозможно. Вторые, «самодостаточные», готовы жить и обеспечивать себя и свою семью самостоятельно, не рассчитывая на государство. Для них социальное государство – это не столько необходимость, сколько дополнительная возможность для выстраивания своих жизненных стратегий¹. Эта группа, по нашему мнению, важна для изучения в силу своей особой значимости в социальном, экономическом, политическом, культурном контекстах; она сочетает установку на самодостаточность в отношении государства с активистскими установками и проявлениями в других сферах.

При этом выделение группы «самодостаточных» в качестве объекта не является шагом к построению новой версии социальной стратификации к определению данной группы как обладающей некой уникальной идентичностью, прежде всего, в силу постоянных и мощных трансформационных процессов в современном обществе (ценностный транзит, экономическая модернизация, глобализация и т. д.), которые, по наблюдению А. Мартинелли, сопровождаются разрывом между изменениями, глобальными перемещениями и обменом в сфере масс населения, технологий, идей, капиталов, а с другой стороны – отстающими от них изменениями в институтах [Мартинелли, 2006: 7]. В этих условиях остаются дискуссионными вопросы о факторах социальной стратификации, о том, что доминирует в достижении определённой статусной позиции – структура или действие, система или актор [Тихонова, 2014: 24]. Тем не менее характер отношений между государством и гражданином, социальная роль государства и её восприятие населением и отдельными группами представляются важными обстоятельствами формирования новой социальной структуры общества, процессов социальной мобильности, формирования жизненных приоритетов и установок, образа жизненного успеха и реальных практик его достижения. Расширение установок на «самодостаточность» и активизм является особенно актуальным в обществе, в котором, по Бауману, побеждают тенденции к самодостаточности хозяйственных процессов, в то время как социальное начало становится всё менее значимым [Бауман, 2005]. Самодостаточность, способность самостоятельно планировать и реализовывать жизненные стратегии, не оглядываясь

¹ В основу выделения групп «самодостаточных» и «зависимых» россиян положены ответы респондентов на вопрос о том, с каким из двух суждений они в большей степени согласны: «Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства» (выбравшие его отнесены к группе «самодостаточных») и «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить» (отнесены к группе «зависимых»).

на государство, в условиях постоянных изменений и неопределённости (в том числе изменения роли, ответственности, социальной включённости государства) начинает приобретать ресурсную значимость, сравнимую, например, с образованием или финансовым капиталом.

Особое звучание установкам на «самодостаточность» придаёт и специфика трансформации российского общества, в современной истории которого произошёл революционный переход от государственной системы времён СССР с его гипертрофированной регулирующей ролью государства до практически тотального его самоустранения из социальной сферы. Нынешний этап – попытка комбинирования капиталистического экономического подхода с версией социально «нагруженного» государства. С учётом этой исторической ретроспективы, укладываемой в жизненный путь старшего и отчасти среднего поколения россиян, установки на «самодостаточность» носят в значительной части вынужденный характер, предопределённый долгим и сложным поиском государственной модельной идентичности. Мы фиксировали, что *«жить, не рассчитывая на поддержку государства сегодня, – это не хорошо и не плохо, а вынужденно и необходимо. И умение делать это – ключевой ресурс, определяющий степень успешности реализации человеком своих планов и жизненных целей»*. Тем самым, установка на “самодостаточность” может рассматриваться не как рамка-разделитель, а как важный социальный маркер, *отражающий процесс обретения людьми твёрдой “социальной почвы” под ногами, социальной зрелости, ответственного и самостоятельного подхода к собственной жизни и жизни страны, возможности быть субъектом жизни, а не её объектом; стремления активно осваивать окружающую действительность, включённости в происходящее* [Горшков, Седова, 2015].

Влияние установок на «самодостаточность», как показали наши исследования пятилетней давности, важно также учитывать и при анализе процессов в сфере гражданского активизма россиян. Так, была установлена *выраженная зависимость между показателями гражданского активизма и особенностями мировоззрения россиян, характером их нормативно-ценностных систем*. В группах россиян, различающихся ценностными ориентациями, особенностями мировоззрения, склонностью к активному или инертному восприятию жизни и окружающей действительности, в том числе позиционирующих себя как «самодостаточных» либо «зависимых» от государства, существенным образом отличались показатели активизма. Было показано, что респонденты, принадлежащие к «активному» типу, характеризующемуся в том числе установками на «самодостаточность», чаще других включаются в активные гражданские практики [Седова, 2014]. В этом смысле установки на «самодостаточность» являются не только фактором для достижения собственного жизненного успеха, но и имеют деятельный потенциал (ориентированность на развитие, движение, преодоление) в отношении общества в целом, способны формировать установки на преобразование внешней среды. Это особенно важно, учитывая сложившийся стереотип оценки российского общества как мозаичного, лишённого общей идентичности, безразличного ко всему, что находится за пределами частной жизни граждан.

В рационально-активистской модели самовосприятия и социального действия по «освоению» и преобразованию внешнего мира можно, таким образом, вести поиск ресурса для социального развития российского общества.

В исследовании 2019 г. мы поставили задачу проследить динамику развития установок на самодостаточность и в целом на «активный» либо «пассивный» тип мировоззрения среди россиян, уточнить социальный состав «активистов», подтвердить сделанные ранее выводы о социально значимом преобразовательном потенциале носителей данных установок.

Как показало исследование, среди россиян сегодня примерно в равной степени представлены люди, разделяющие ценностные установки двух полярных типов, которые в самом общем виде можно охарактеризовать как тяготеющие к условно активистской или пассивистской модели мировосприятия. Общество расколото практически поровну, его «актив» — те, кто готов опираться в жизни на собственные силы и обеспечивать себя без помощи государства (45%), бороться за собственные интересы и права (52%), инициативен, предприимчив и ориентирован на поиск нового (58%). Условный «пассив» — те, кто видит себя зависимым от поддержки со стороны государства (55%), приспосабливается к реальности, а не приспосабливает её к себе (по 48%), консервативен и отдаёт предпочтение традициям (42%).

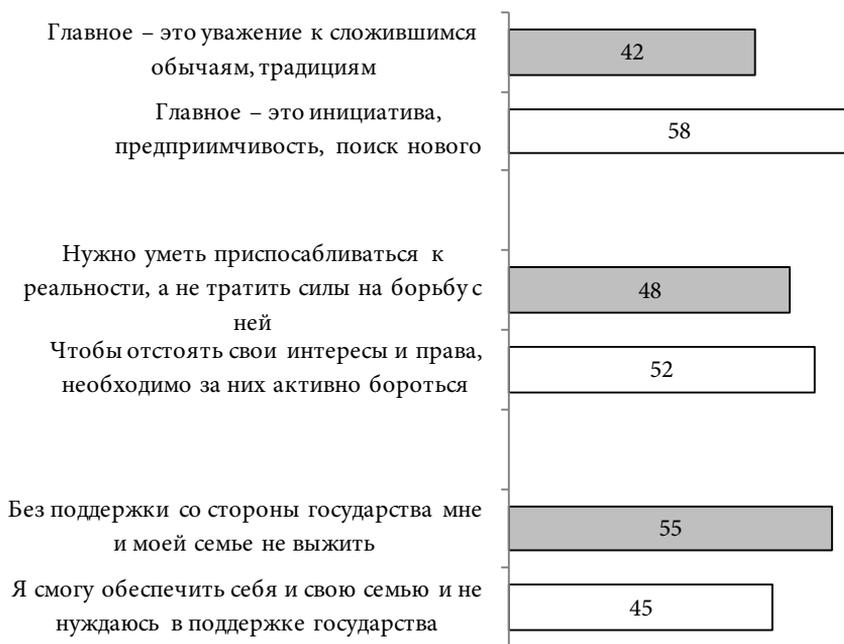

Рис. 1. Мировоззренческие суждения россиян

(выбор в парах альтернативных суждений; темным цветом обозначены выборы, соответствующие «пассивистской» модели мировосприятия, белым — «активистской»), 2019 г., %

Как видно из приведённых данных, чаши «ценностных весов» в каждой паре альтернативных установок сегодня находятся на одном уровне, где-то перевешивает (но не в разы) «актив», где-то — «пассив». Однако обратим внимание на характер изменения показателей. С одной стороны, динамические ряды показателей подтверждают сделанный ранее вывод о том, что *«самодостаточные» россияне — это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по объёмам группа, демонстрировавшая до недавнего времени (до 2017 г.) динамику роста, тренд на формирование независимой и активистской доминанты в российском обществе.* Действительно, динамика развития мировоззренческих установок показывает, что до 2017 г. «в тренде» было усиление активистских позиций. По всем измеряемым параметрам в 2017 г., например, отмечалась самая высокая доля активистских выборов (за 14-летний период наблюдений с 2005 г.). Причём в отношении россиян к возможности быть самодостаточными или зависимыми от государства мы видели *«тихую социальную революцию»*, когда «самодостаточные» россияне из явного меньшинства превратились в группу, чья численность стала сопоставима с численностью ранее доминировавшей группы «зависимых».

С другой стороны, замер 2019 г. свидетельствует, что если такое «завоевание» активистской модели мировосприятия, как нацеленность на инициативность и поиск нового, сохранилось (здесь мы видим уверенное большинство в 57–58% на протяжении последних четырёх лет, 2015–2019 гг.), то поступательное освоение активистских позиций по другим параметрам приостановилось и даже виден некоторый «откат». Доля «самодостаточных» снизилась с максимальных 50% в 2017 г. до 45% в 2019 г.; а преобладание «зависимых» снова укрепилось (с 50 до 55%, соответственно). Ещё более заметным стало снижение установок на борьбу за собственные интересы и права (с 60% в 2018 г. до 52% в 2019 г.). Можно предположить, что на этих двух показателях сказалось влияние одного из самых резонансных событий 2018 г. — пенсионной реформы, увеличения возраста выхода на пенсию. Общество пережило стресс, массовое недовольство не дало никаких результатов, большинство россиян «примерили» новые условия на себя и своих близких и сделали неутешительные для себя выводы. Реформа, с одной стороны, напомнила многим об их зависимости от системы пенсионного обеспечения (несмотря на постоянное недовольство размерами пенсий, отдаление сроков получения даже этой относительно невысокой финансовой поддержки со стороны государства стало значимым негативным фактором социального самочувствия), а с другой — продемонстрировала тщетность попыток остановить реформу протестами.

Отметим, что ориентация на поддержку со стороны государства, характерная для каждого второго россиянина, — далеко не социальный нонсенс, а в целом вполне типичная картина, характерная для многих зарубежных стран, в том числе входящих в топ-список так называемых развитых. Более того, россияне даже заметно скромнее в своих притязаниях. Например, по данным «Европейского социального исследования» (European Social Survey,

ESS) (8-я волна, 2016 г.¹), из 23 европейских стран Россия занимает 20-е место по уровню ожиданий в отношении действий правительства, направленных на сокращение разницы в доходах между людьми. Видимо, сказывается недоверие институтам власти, разочарование от характера реализации социально-экономического курса, в результате которого люди не чувствуют улучшения своего положения, не ожидают многого от будущего и не видят желаемой отдачи от участия государства в изменении ситуации.

Рис. 2. Динамика «активистских» выборов в парах альтернативных суждений, 2005–2019 гг., %

Данные, характеризующие выборы в парах ценностных суждений, дают определённое представление о ценностной дифференциации россиян и наличии у них различных моделей мировосприятия, соответствующих этим нормам и ценностям. Однако ещё более заметные отличия в типах моделей мировосприятия можно увидеть с помощью выделения групп, которые характеризуются *последовательной ориентацией* на установки активного или консервативного мировосприятия.

На основе различного сочетания выборов активистских и пассивистских позиций по трём парам мировоззренческих суждений сформированы следующие группы:

¹ С данными исследования можно ознакомиться на официальном сайте проекта: <http://www.ess-ru.ru>.

- «активный» тип — люди, последовательно выбирающие по всем трём параметрам те суждения, которые отражают активистские установки: самостоятельность («могу сам обеспечить себя и свою семью, не нуждаюсь в поддержке со стороны государства»), активное отстаивание своих интересов («чтобы отстоять свои интересы и права, необходимо за них бороться»), поиск и освоение нового («главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового»). Доля «активных» россиян, выделенных по таким основаниям, составила 22%;

- «пассивный» тип — люди, последовательно (**по всем трём** параметрам) выбирающие суждения, которые отражают установки на зависимость от государства («без поддержки государства мне и моей семье не выжить»), приспособление («нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней»), консерватизм («главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям»). Группа «пассивных» составляет 20%, то есть сопоставима с долей «активных»;

- «смешанный тип», то есть люди, выбирающие и активистские, и пассивистские установки. Эта смешанная модель мировосприятия характерна более чем для половины россиян (58%).

В целом мы имеем уравновешенную структуру мировоззренческих типов, в которой есть доминирующее ядро людей, демонстрирующих гибкость/подвижность модели выбора (большинство россиян), и два полюса, на одном из которых установки активистского типа, на другом — пассивистского типа. На протяжении последних четырёх лет распространённость типов ценностных ориентаций в целом стабильна, у каждого из них есть свой небольшой «коридор» изменения доли представленности в общей картине (3–5%, т. е. близкий к величине ошибки выборки).

Рис. 3. Динамика распределения населения по основным типам мировоззрения, 2015–2019 гг., %

Активизм прежде всего характерен для молодёжи, особенно в группе 21–24-летних (до 39%). В средних возрастах активный ценностный тип устойчиво держится на уровне 26–28% в разных возрастных подгруппах. В предпенсионном возрасте

и особенно среди пожилых людей старше 60 лет показатели активизма доходят до минимальных 14 и 7% соответственно. Напротив, доля «пассивного» типа растёт с 8–10% среди молодёжи и 10–16% среди людей среднего возраста до 39% среди пожилых. При этом доля смешанного типа колеблется в разных возрастных группах в коридоре от 53 до 64%, являясь своеобразной «транзитной зоной» для трансформации установок и снижения активизма с переходом в более старший возраст.

Активный тип выраженно доминирует в группе россиян, относящих себя к высокообеспеченным (богатым), где получает максимальные 58%. В группе «средний слой» доля людей с активным ценностным типом хотя и ниже, но также значительна (31%). В целом высшие и средние слои демонстрируют модель преобладания активистских ценностных установок (пассивный тип здесь представлен минимально — 4 и 12% соответственно). При этом в группе тех, кто ставит себя на высшую социальную ступень, отмечается не просто самая высокая доля «активистов», но в целом максимальный уровень ценностной определённости — здесь минимальна доля «смешанного типа» (38%). В отличие от них россияне, идентифицирующие себя как «бедные», демонстрируют выраженный пассивный тип установок (31% «пассивных» при 9% активных).

С ростом объективного показателя материального положения респондентов (уровня их дохода) фиксируется рост доли «активных» — с 12% среди респондентов с доходами до 10 тыс. руб. в месяц до 45% среди тех, чей доход на одного члена семьи составляет не ниже 35 тыс. руб. Соответственно, доля «пассивных» более высока среди самых низкообеспеченных (25%) и минимальна среди людей с высокими доходами (4%).

В рамках мировоззренческой альтернативы «активные/пассивные» мы остановимся на нескольких моментах, связанных с жизненными установками россиян: 1) приоритеты в качествах людей (какими наши сограждане видят окружающих людей), 2) ценности личного и общественного блага, 3) отношение к труду в контексте жизненного успеха и традиционной морали, 4) приоритеты в развитии страны.

Среди качеств, которые наиболее широко распространены, по мнению россиян, среди окружающих их людей, на первом месте стоят ответственность за свою семью и забота о ней; далее следуют активность и целеустремлённость, ум и образованность, верность своим товарищам, трудолюбие, способность к сотрудничеству. Такие качества, как цинизм, внушаемость и склонность подчиняться авторитетам, агрессивность, занимают срединную часть своеобразной «линейки качеств». Гораздо в меньшей степени распространены, по оценкам опрошенных, качества, характеризующие неписанные нормы взаимодействия между людьми. В дефиците сегодня доброжелательность, уважение к старшим и к женщинам, а также и особенно — душевность, честность, бескорыстие и готовность помочь другим, искренность. В целом в представленной иерархии оценок респондентами проявлений различных качеств среди окружающих их людей считается *Я-ориентированная модель мировоззрения, когда на первый план выходит частная жизнь человека, а то, что обращено вовне, отражает взаимодействие человека с окружающим миром, — оказывается скорее на периферии интересов.*

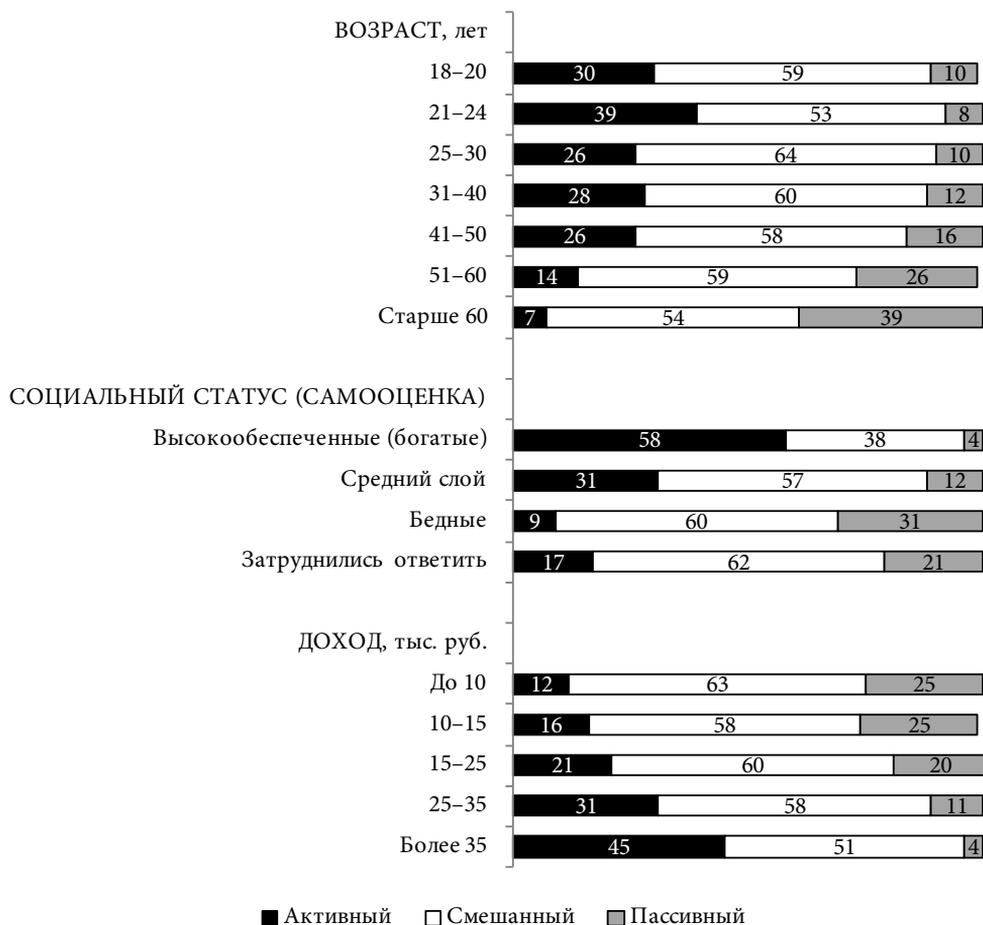

Рис. 4. Распространённость мировоззренческих установок «активного», «пассивного» и «смешанного» типов в разных социально-демографических группах россиян, 2019 г., %

При этом представители группы «активных» заметно более чувствительны и оптимистичны в оценках того, как складываются сегодня отношения между людьми и какие качества им свойственны. По 14 из 17 оцениваемых качеств «активные» чаще, чем «пассивные», давали ответ «это свойственно людям в большой степени». Наиболее заметны различия в оценках таких качеств, как активность и целеустремлённость, способность к сотрудничеству (доли позитивно настроенных респондентов среди «активных» на 12 п.п. выше, чем среди «пассивных»), верность своим товарищам, ответственность за семью (разница в 8 п.п.), душевность (разница в 6 п.п.).

Пассивных же респондентов отличают, во-первых, в целом более низкие доли тех, кто отмечает яркость проявлений тех или иных качеств, а во-вторых — повышенные доли тех, кто видит в окружающих людях проявления таких нега-

тивных качеств, как цинизм и агрессивность (на 33 и 36 п.п. выше соответственно). По всей видимости, такой пессимистичный крен мировосприятия связан с возрастными особенностями представителей различных мировоззренческих типов («пассив» чаще встречается среди старших возрастных групп), с общим невысоким уровнем их социальной адаптированности и жизненной успешности (напомним, «пассивные» – чаще люди из нижнего социального слоя, с низкими доходами). Социальный пессимизм «пассивных» респондентов в значительной степени произведен от доминирования внешнего локуса контроля группы, увязывания собственных неудач с «неудачным» окружением.

Таблица 1

Мнение россиян о том, в какой степени в настоящее время людям свойственны различные качества (доля ответов «свойственно в большой степени»), 2019 г., %

Качества людей	Все опрошенные	«Активные»	«Пассивные»	Разница между «активными» и «пассивными»
Активность, целеустремлённость, инициативность	27	36	24	12
Способность к сотрудничеству	23	32	20	12
Верность своим товарищам	26	31	23	8
Ответственность за семью, забота о ней	42	48	40	8
Душевность	17	22	16	6
Доброжелательность	18	20	15	5
Уважение к женщине	17	21	16	5
Ум, образованность	24	29	24	5
Честность	16	21	16	5
Уважение к старшим	17	19	15	4
Бескорыстие, готовность помочь другому	15	18	15	3
Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	26	25	23	2
Трудолюбие	26	30	28	2
Искренность	14	17	16	1
Патриотизм, преданность своей родине	23	23	23	0
Цинизм	31	25	33	-8
Агрессивность	32	25	36	-11

Итак, в восприятии россиянами их социального окружения вырисовывается обобщённый образ человека, сфокусированного на самом себе и частной жизни, готового к действию и ответственности на дистанции своего близкого

круга, в меру циничного и агрессивного, держашего на периферии своих проявлений нормы социального взаимодействия, адресованные окружающим за рамками ближнего круга. Такой образ не случаен и отражает серьёзные ценностные изменения, которые сопровождают российское общество в последние годы. Как показывают результаты исследований, в российском обществе сегодня доминирует тренд на усиление ориентаций на личные интересы, укрепление мировоззренческой Я-концепции. За период с 2014 г. по 2019 г. с 56 до 66% выросла доля россиян, полагающих, что «личные интересы – это главное для человека». Одновременно фиксируется ослабление противоположной позиции, предполагающей необходимость ограничения людьми личных интересов во имя общественных (с 43 до 34%). Общественное благо теряет свою значимость, в то время как благо личное, напротив, становится всё более важной жизненной ценностью.

Рис. 5. Динамика отношения россиян к личным и общественным интересам (выбор в паре альтернативных суждений), 2014–2019 гг., %

Восприятие личных и общественных интересов в группах респондентов с различным типом мировоззренческих установок показывает, что позиция группы «активных» сегодня в России в подавляющем большинстве связана с доминантой личных интересов – 81% опрошенных, и только 19% респондентов готовы отдать предпочтение общественным интересам. В группах пассивного и смешанного типов наблюдается раскол на два близких по масштабам лагеря: 53% респондентов ориентированы на личные и 47% – на общественные интересы. Наблюдаемая ценностная картина согласуется с концепцией «культурного соответствия», о которой пишут Р. Инглхарт и К. Вельцель с опорой на разработки специалистов в области культур-

ной антропологии. Её смысл заключается в том, что изменение ценностей является результатом эволюционного процесса, в ходе которого «естественный отбор» проходят те ценности, что в наибольшей степени пригодны для жизни в конкретных жизненных условиях. В соответствии с этой концепцией, доминирование и укрепление ценностей частной жизни и личностной самореализации при игнорировании общественной стороны жизни являются отражением ситуации, при которой именно они ведут человека к успеху и отражают суть этого успеха. При этом Инглхарт подчёркивает ключевую роль в трансформации ценностей социально-экономического развития, оказывающего мощное воздействие на условия жизни людей и их шансы на выживание, что особенно справедливо для бедных обществ: «Самосохранение — настолько основополагающая потребность человека, что, когда оно не гарантировано, все жизненные принципы определяются борьбой за выживание. На повседневную жизнь людей сильнее влияет тот факт, что среднедушевой доход в обществе, где они живут, составляет 300 или 30 000 долларов, чем наличие или отсутствие в стране института свободных выборов» [Инглхарт, Вельцель, 2011: 43–44]. Именно такое соотношение значимости мы сегодня и наблюдаем в России, когда стремление к собственному благополучию становится ценностной альфой и омегой¹.

Ещё одной важной ценностной доминантой сегодня является восприятие собственности как залога и гарантии свободы человека — уверенное большинство россиян (70%) полагают, что только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным. На противоположной чаше весов голоса 30% наших сограждан, полагающих, что по-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности, что собственность лишь закабальет человека. Вторая точка зрения, которая получает всё большее распространение в глобальных социальных средах, стремящихся в постматериализм, в России пока не пользуется большой популярностью. Общество, по историческим меркам лишь недавно отвоёвавшее право для людей на эту самую собственность, не готово расстаться с этим завоеванием или хотя бы переоценить его, убрать со знамён. Тем не менее некоторый тренд на закрепление позиции можно отметить: доля россиян, считающих, что собственность мешает свободе, выросла за последние четыре года на 4 п.п. (с 26% в 2015 г. до 30% в 2019 г.). Характерно, что группа «активных» россиян это постматериальное мировосприятие не разделяет, здесь доля «бессеребренников» составляет лишь 17%, т. е. вдвое меньше, чем среди респондентов «пассивного» и «смешанного» типов (33–35%). Иными словами, фокус на личных интересах и на собственности как материальном их воплощении — главный, в некотором смысле системообразующий, признак активного слоя россиян (табл. 2).

¹ Необходимо отметить, что результаты ранее проведённых исследований показывают, что хотя «активисты» реже говорят об общественном, коллективном, солидарном, они чаще в него включаются на практике — по сравнению с «пассивными», которые демонстрируют «диванную» версию коллективизма и солидарности, не конвертируя свои декларации в реальные дела. Так, исследование ИС РАН 2016 г. показало, что в деятельности общественных организаций принимали участие 25% «активистов» при 18% в группе пассивных, в том числе 5% участвовали в деятельности трёх и более организаций.

Таблица 2

Мнение россиян о личных и общественных интересах, о свободе и собственности, 2019 г.
(выбор в парах альтернативных суждений), %

Пары суждений	Все опрошенные	«Активные»	«Смешанный» тип	«Пассивные»
«Личные интересы – это главное для человека»	66	81	53	53
«Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества»	35	19	47	47
«Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным»	70	83	67	65
«По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности; собственность лишь закабалает человека»	30	17	33	35

Фокус большинства россиян на собственных интересах, установка «своя рубашка ближе к телу» коррелируют с весьма гибким видением того, какими могут быть средства реализации этих интересов. Общественное мнение расколото практически пополам в вопросе о том, что ведёт человека к жизненному успеху: его собственный упорный труд (48%) или везение и личные связи (это даже более распространённая установка, 52%). Причём представители группы «пассивных» ссылаются на везение и связи чаще остальных (59%), подтверждая склонность группы к внешнему локусу контроля.

На фоне уверенности каждого второго россиянина в том, что от самого человека его жизненный успех мало зависит, вполне ожидаемым выглядит лояльное отношение более чем трети опрошенных к любым доходам, независимо от того, как они были получены (37%). Хотя большинство демонстрируют высокую моральную планку, заявляя о допустимости только тех доходов, которые заработаны честным трудом (63%). Особенно широко требование жить честным трудом распространено в группе «пассивных» респондентов (79%), которые, напомним, находятся в основном на нижней ступени социальной лестницы и имеют низкие доходы. Среди «активных» же респондентов фиксируется самый высокий уровень лояльности к «любимым доходам» (48%). Косвенно эти данные свидетельствуют о том, что между жизненным успехом и свободой от традиционных моральных заповедей в сегодняшней России существует связь, близкая к закономерности. Отношение к труду воспринимается многими активными и успешными людьми вполне утилитарно – если он не ведёт к успеху, то тем самым лишается смысла, ценности (табл. 3).

Таблица 3

**Восприятие ценности труда в контексте жизненного успеха, 2019 г.
(выбор в парах альтернативных суждений), %**

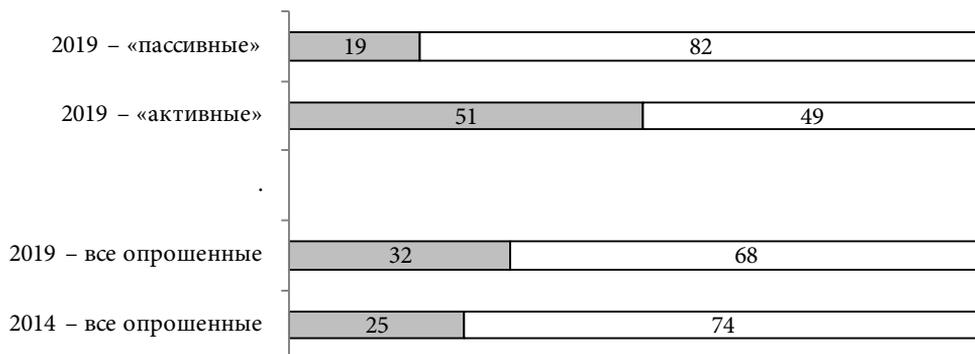
Пары суждений	Все опрошенные	«Активные»	«Смешанный» тип	«Пассивные»
«Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни»	48	48	50	50
«Упорный труд не является причиной успеха – это в большей степени результат везения и личных связей»	52	52	50	59
«Можно иметь любые доходы, независимо от того, как они получены»	37	48	38	21
«Человек должен иметь те доходы, которые заработал честным трудом»	63	52	62	79

Характерно, что, дистанцируясь от установок на честный труд как проводник к жизненному успеху, многие «активные» россияне (51%) считают, что Россия должна жить по тем же правилам, по которым живут современные западные страны, в отличие от «пассивных», уверенных, что Россия – особая цивилизация и что в ней никогда не привьётся западный образ жизни (82%). Другими словами, россияне с активистским мировоззрением в отсутствие общепринятых нормативных рамок готовы использовать для достижения успеха любые пути. Однако в целом именно эта группа, имеющая потенциал, чтобы стать двигателем социальных изменений в обществе, демонстрирует запрос на внятные «правила игры», работающие нормы поведения, примеры которых видит в некоем идеализированном образе «развитой зарубежной страны».

При этом за последние пять лет доля россиян, ориентированных на западноевропейский путь развития страны, пусть не сильно, но всё же выросла (на 7 п.п. – с 25% в 2014 г. до 32% в 2019 г.). Соответственно, пророссийский тренд за этот период времени несколько ослаб – с 74 до 68%. Учитывая события последнего времени на мировой арене и вектор внешней политики России, «консервирующий» страну, можно предположить, что здесь мы видим свидетельство зреющего социального недовольства, особенно в группе наиболее активных россиян.

Подводя итоги анализа, подчеркнём: россияне, демонстрирующие установки на «самодостаточность» и в целом «активистский» тип мировоззрения, составляют существенные по объёмам и значимые в социальном отношении группы. Слом тренда на рост доли «самодостаточных» в 2018–2019 гг., связанный с пенсионной реформой 2018 г., преждевременно считать радикальным. В ближайшие

годы можно предположить адаптацию населения к новым условиям и укрепление установок на «самодостаточность». Учитывая, что роль активных, самостоятельных групп в обществе, их жизненные проявления и влияние на общество заметно ярче, чем роль и проявления «зависимых», «пассивных», можно говорить о том, что *российское общество в лице граждан с установками на «самодостаточность» и «активистский» тип мировоззрения обретает социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития.*

- Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны
- Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни

Рис. 6. Выбор в паре альтернативных суждений относительно будущего страны, 2014–2019 гг., %

В то же время проводимые параллельно с опросами качественные исследования (дискуссионные фокус-группы с молодёжью и россиянами среднего возраста) свидетельствуют о нарастании отчуждения от государства, формировании среди молодёжи (основного источника пополнения «самодостаточных» и «активных» групп) жизненной стратегии «быть готовым ко всему», которая предполагает необходимость адаптироваться к меняющимся условиям и «правилам игры», в том числе к дальнейшему уходу государства из социальной сферы, снижению его регулирующей роли. Формируется видение «государства-левиафана». В этом смысле тренд на «самодостаточность» может означать не столько уверенность в своих силах, сколько уверенность в ненадёжности государства как патрона и партнёра.

Отличительными чертами «самодостаточных» являются активность, предприимчивость, материальная и социальная успешность. Установки на самодостаточность и независимость от государства, отвечая по сути идеологии среднего класса, формируют высокие показатели уровня и качества жизни и общественного статуса их обладателей. Мировоззренческое кредо группы опирается на внутренний локус-контроль и ответственность за собственные успехи и неудачи, установки на поиск нового и перемены. Группу отличает особое внимание

к «преобразующим качествам» в окружающих людях (активность, целеустремлённость, способность к сотрудничеству) и приверженность Я-ориентированной модели, сфокусированной на достижении прежде всего личного успеха.

При этом, формально демонстрируя уважение к традиционным морально-нравственным ценностям, активные россияне готовы во имя достижения успеха быть терпимыми к отступлению от традиционной морали, воспринимать как норму опору на такие «ресурсы», как везение и связи вместо упорного честного труда. Одновременно среди них высоко актуализирован запрос на работающие формальные правила, которые делали бы эффективной жизнь по закону, а не «по понятиям». Подобная релятивистская картина мира характеризует вынужденный поиск решений и путей для достижения своих целей активными группами населения в отсутствие работающей системы формальных институтов и правил. Однако их активизм носит в целом конструктивный характер, и, если писанные правила заработают, он в них быстро и органично впишется.

Список литературы

Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.

Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.

Мартинелли А. Глобальная модернизация. Переосмысляя проект современности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 227 с.

Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

Тихонова Н. Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 23–35.

Дата поступления в редакцию: 27.09.2019.

DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

Self-Sufficiency and Activism in the Worldview of Russians

Natalia N. Sedova

Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Krzhizhanovskiy st., 24/35, bld. 5, 117218, Moscow, Russia; the Director for Social and Professional Communication, VTSIOM. Prechistenka str. 38, 119034, Moscow, Russia. E-mail: nnsedova@inbox.ru

Scopus AuthorId: 29167503800

For citation: Sedova, N. N. (2019). Self-Sufficiency and Activism in the Worldview of Russians. *Sotsiologicheskaja nauka i social'naja praktika*. № 4. P. 9–25. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6796

Abstract. The article is devoted to the analysis of the social phenomenon of “self-sufficiency” and the development of the “activist” type of worldview of Russians. The authors call self-sufficiency the ability of people (according to self-assessment) to live and provide for themselves, relying only on their own strength, without the help of the state. Attribution to the “activist” type of worldview is based on the installation of self-sufficiency, active defense of their interests, search and development of new (initiative, enterprise). The “activist” type is analyzed in comparison with the “passivist” type (it is based on the attitudes towards dependence / assistance of the state, adaptation to reality, conservatism / adherence to customs, traditions).

The empirical base of the article is the data of a nationwide representative surveys FNEC Russian Academy of Sciences (formerly the Institute of sociology, RAS) carried out in 2005–2019 years.

The objectives of the study were to analyze the dynamics of attitudes to self-sufficiency and activist type of worldview, to clarify the social base of their carriers, to confirm the previously made conclusions about the socially significant transformative potential of the carriers of these attitudes. The authors analyzed the perception of the carriers of “activist” attitudes of priorities in the qualities of people, values of personal and public good, attitude to work in the context of life success and traditional morality, priorities in the development of the country.

The scrapping in 2018 of the previously identified trend for the growth of attitudes to “self-sufficiency” and active protection of their rights was noted. The change in dynamics is associated with pension reform. The development of the Self-oriented model of the worldview is fixed, when the private life of a person comes to the fore, and interaction with the surrounding world turns out to be rather on the periphery of interests. There is an increase in alienation from the state, the formation of tolerance for deviation from traditional morality in order to achieve success, while at the same time the demand for working formal rules, for life according to the law, and not “according to concepts”.

Keywords: self-sufficient, activism, worldview, values, attitudes, qualities, social state, morality, traditions, rules, law, pension reform, success, social group, life success.

REFERENCES

Bauman Z. *Individualizirovannoe obschestvo*. [Individualized society]. M.: Logos publ., 2005. 390 p. (In Russ.).

Gorshkov M. K., Sedova N. N. «Samodostatochnye» rossiyane i ih zhiznennye priority. [«Self-sufficient» Russians and their life priorities]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2015. № 12. P. 4–16. (In Russ.).

Inglhart R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya*. [Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development]. M.: Novoe izdatel'stvo publ., 2011. 464 p. (In Russ.).

Martinelli A. *Global'naya modernizatsiya. Pereosmyslyaya proekt sovremennosti*. [Global modernization. Rethinking the project of modernity]. SPb.: Izd-vo SPbGU publ., 2006. 227 p. (In Russ.).

Sedova N. N. Grazhdanskij aktivizm v sovremennoj Rossii: formaty, faktory, sotsial'naya baza. [Civil activism in modern Russia: formats, factors, social base]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. 2014. № 2. P. 48–71. (In Russ.).

Tikhonova N. E. Faktory stratifikatsii v sovremennoj Rossii: dinamika sravnitel'noj znachimosti. [The stratification factors in contemporary Russia: the dynamics of the relative importance]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2014. № 10. P. 23–35. (In Russ.).

The article was submitted on September 27, 2019.